

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–105

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

Научная статья
УДК 32

«Суверенное» будущее российского образования как политico-управленческая проблема

К. А. Афанасьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Афанасьева Кристина Александровна, соискатель кафедры политических наук, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Аннотация. В статье осуществлён прогноз рисков для реализации новой стратегии образовательных реформ в нашей стране, которые возникают по следам неопределённости с ключевой идеей этой стратегии – сделать российскую систему образования «суверенной». Осуществлён анализ возможных вариантов реакции управленцев, ответственных за разработку и реализацию этой стратегии, а также педагогических работников и заинтересованных граждан на предложение со стороны государства отказаться от Болонской системы организации образовательного пространства и сделать новую систему образования принципиально иной, при этом сохранив в новой суверенной системе «всё лучшее» от прежней Болонской системы. Обосновано авторское мнение, что неопределённость с теоретическими основами новой стратегии государственной политики неизбежно будет провоцировать стремление отдельных субъектов образовательной политики по-своему интерпретировать смысл этой стратегии и их попытки навязать своё понимание другим субъектам. В таких условиях велика вероятность, что из инструмента консолидации гражданского общества вокруг суверенных интересов Российской государства новые реформы превратятся в вызов стабильности во внутренней политике государства и в гражданской жизни.

Ключевые слова: политические интересы государства, реформы в образовании

Для цитирования: Афанасьева К. А. «Суверенное» будущее российского образования как политico-управленческая проблема // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 98–105. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Sovereign” future of Russian education as a political and managerial problem

K. A. Afanasyeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kristina A. Afanasyeva, kr2609@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2168-6334>

Abstract. The article forecasts the risks for the implementation of a new strategy of educational reforms in our country, which arise in the wake of uncertainty with the key idea of this strategy – i.e. to make the Russian education system “sovereign”. An analysis was carried out of possible options for the reaction of managers responsible for the development and implementation of this strategy, as well as teaching staff and interested citizens to the proposal from the state to abandon the Bologna system of organizing educational space and make the new education system fundamentally different, but, at the same time, to preserve “all the best” from the previous Bologna system in the new sovereign system. The author’s opinion is substantiated that uncertainty with the theoretical foundations of the new state policy strategy will inevitably provoke the desire of individual subjects of educational policy to interpret the meaning of this strategy in their own way and attempts to impose their understanding on other subjects. In such conditions, it is likely that new reforms will turn from a tool for consolidating civil society around the sovereign interests of the Russian state into a challenge to stability in the internal politics of the state and in civil life.

Keywords: political interests of the state, reforms in education

For citation: Afanasyeva K. A. “Sovereign” future of Russian education as a political and managerial problem. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 98–105 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-1-98-105>, EDN: QXCEUO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В истории отечественной образовательной политики 2023 год наверняка останется памятным как год переломный. Официально, на высшем государственном уровне, было заявлено о необходимости отказаться от реализации Болонской стратегии развития отечественной системы образования и перейти к созданию «суверенной системы образования». Управленческое решение вполне логичное, если рассматривать его на общем фоне тех экономических и военных проблем, с которыми Россия столкнулась в последнее десятилетие. Российское государство устами своих руководителей публично поставило задачу сделать российское образование не таким, «как у всех», а таким, какое необходимо ему и обществу, развитием которого оно руководит. Формально всё выглядит так, что стратегическая цель обозначена и препятствий для её достижения нет. На деле препятствие есть. Ведь до сих пор не последовало официальных разъяснений по поводу того, каким именно критериям качества и функциональности должно отвечать российское образование, чтобы считаться в полной мере «суверенным». А это значит, что на новом этапе реформ сохранятся условия для продолжения бесконечных и чаще всего безрезультатных споров между участниками образовательной политики по поводу её смысла, которые делятся уже три десятка лет. Большой риск для будущего российской системы образования состоит в том, что на ход реформ продолжат влиять подозрения их участников в адрес друг друга в намерении этот смысл исказить. Такого рода подозрения всё послесоветское время были информационным контекстом образовательных реформ и сделали нынешнее состояние российского образования таким, что оно мало кого удовлетворяет.

Нетрудно предположить, что такая судьба постигнет и «суверенное» российское образование в будущем, если у его создателей сохранится повод для взаимных подозрений. А такой повод предсказуемо возникнет, если в коммуникациях субъектов образовательной политики ничего принципиально не изменится. Если, прежде всего, они не будут в теории и практике образовательной политики руководствоваться договоренностью по поводу того, что значит «суверенитет» применительно к образовательной сфере и каким критериям качества и функциональности должны отвечать образовательные заведения, чтобы государство признало их деятельность отвечающей его суверенным интересам. Пока нет видимых предпосылок для возникновения такой договорённости. А это

большая проблема и для нынешней государственной внутренней политики, и для будущего отечественной системы образования.

Пока нет, мы полагаем, оснований считать, что простое механическое соединение слова «суверенитет» со словом «образование» даёт внятный ответ на вопрос о характере государственного интереса, чтобы участники образовательных реформ могли бы на него ориентироваться в мыслях и действиях. Смысл этого соединения может быть ими истолкован очень по-разному – так, как это будут подсказывать им их различные политические, экономические и правовые интересы. А они далеко не тождественны общему национально-государственному интересу. Нетрудно предвидеть, отталкиваясь от теории и опыта современной демократической политики, что разница интересов побудит разных её субъектов настаивать на собственном понимании «суверенности» образовательной системы, конечного пункта её последующей эволюции, а точку зрения партнёров по политическому процессу и массовым коммуникациям считать в корне ошибочной и даже вредной для общего дела. Иначе говоря, образовательная политика с большой вероятностью будет оставаться областью больших рисков для всей системы государственного управления общественно-политическими процессами.

Первое, что требует официального разъяснения, это политический смысл самого публичного озвучивания задачи сделать российское образование суверенным. Это заявление, сделанное на самом высоком государственном уровне, обществу надо воспринимать как приглашение со стороны государства к дискуссии на соответствующую тему или же как указание к исполнению?

Если речь идёт о приглашении к дискуссии, то это одна проблема. И соответственно, одни риски, которые неизбежно будут возникать при столкновении государственного интереса и различных частных интересов. Это, прежде всего, риск появления конкурирующих между собой трактовок образовательного «суверенитета». Конкуренция потребует дополнительных регулирующих усилий со стороны государства, и тем самым на проведение реформ понадобится значительно больше сил, времени и ресурсов, чем если бы речь шла просто о принятии участниками образовательной политики к исполнению какой-то одной, соответствующей интересам государства, трактовки понятия «суверенность». К тому же представляется трудно разрешимой и отчасти даже лишённой практической

пользы ситуация, когда руководством российского образования будет инициирована широкая публичная дискуссия по поводу того, что есть суверенитет вообще и суверенитет образовательной политики в частности. О содержании понятия «суверенитет» столетиями ведут споры профессиональные юристы и политологи [1–3]. И мнения на этот счёт ими высказываются самые разные. Масса рядовых граждан и работников образовательных учреждений, а также чиновников регионального уровня по своим интересам, теоретической подготовке и образу жизни очень далека от этих проблем правовой и политической теории, не готова их обсуждать и находить практические решения. При таком положении дел нетрудно прогнозировать, что именно чиновниками будет по факту монополизирована компетенция решать, что в работе образовательных учреждений считать проявлением соответствия требованиям суверенности в государственной образовательной политике, а что трактовать как пренебрежение этой суверенностью или даже покушение на неё.

Другая проблема и другие риски, связанные с ней, если речь идёт о некоем руководящем указании со стороны государства. В условиях демократической политики всегда существует риск того, что официальную позицию по какому-либо вопросу, которую общество не понимает, оно и не принимает либо принимает по большей части формально. Это один из постоянных рисков, вытекающих из публичного характера демократической политики. Есть и ещё один риск. Руководящее указание с размытым содержанием открывает широкий простор для бюрократического произвола, оправдываемого самыми лучшими намерениями чиновников внести в это содержание ясность. Прогнозируемо должны будут появиться на свет некие министерские циркуляры, регламенты и официальные письма, инструкции и рейтинги. Вероятно, в этих документах будут прописаны некие критерии, на основании которых контролирующие органы станут определять, где «суверенность» в работе образовательных учреждений есть реально, а где она только декларируется и имитируется. Но откуда возьмутся такие критерии? Прогнозируемо также, что и сам смысл понятия «суверенитет», и набор критериев, по которым проверяющие чиновники будут оценивать вклад конкретных образовательных учреждений в суверенизацию российского образования, чиновники будут определять сами, в меру своего понимания того, что такое нынешние российские национально-государственные интересы.

Против этих прогнозов можно было бы возразить: вертикаль власти на то и существует в нашей стране, чтобы можно было такой бюрократический произвол на местах и в различных отраслях государственного управления умерить. В Российской Федерации есть свой Президент. Он пользуется большим доверием сограждан. Его мнение для них авторитетно. Что мешает участникам образовательной политики сегодня и в дальнейшем ориентироваться именно на то определение «суверенитета», которое, например, будет публично озвучено президентом и тем самым фактически им одобрено? Ведь очевидно, что и управленцы рангом ниже, в российских регионах, будут в своих коммуникациях с педагогами, учащимися и родителями учащихся, а также в своих руководящих действиях в отношении образовательных учреждений следовать этому президентскому определению.

Так просто решить эту проблему с идеологическими ориентирами нового этапа российской образовательной политики вряд ли удастся. Потому как даже если Президент РФ возьмёт на себя обязанность и ответственность определить, какой именно суверенитет необходим в будущем российской системе образования, то он будет ориентироваться на всё те же современные научные толкования «суверенитета». И он не сможет игнорировать те толкования этого понятия, которые большинство граждан РФ вынесли из стен средних школ и вузов и которые нередко не согласуются с научными.

Собственно, В. В. Путин уже публично высказал своё мнение по поводу того, какой суверенитет соответствует национально-государственным интересам и, соответственно, какого суверенитета должны добиваться все участники государственной образовательной политики. На самом высоком государственном уровне заявлено, что именно в реализации суверенитета в российской культуре вообще и в образовательной политике в частности заинтересовано государство [4]. Постановка задачи подразумевает, что наибольшая часть управленческих усилий и ресурсов государства будет сконцентрирована именно на этом направлении.

Далее мы приведём аргументы в пользу своего мнения, что в толковании «суверенитета», предложенном российскому обществу президентом, есть всё необходимое для разработки и реализации на практике программы новых реформ в отечественном образовании. Но в использованных главой государства формулиров-

ках заключено далёко не всё достаточное для устранения несогласия между потенциальными участниками этих реформ. А последнее, как мы уже упоминали, необходимо, чтобы интерес государства к суверенности во всех отраслях государственного управления не только был бы реализован здесь и сейчас, но и мог бы в дальнейшем укрепляться.

Предметом нашего анализа будут те требования к культурной политике как политике, реализующей суверенные интересы Российских государств и общества, которые закреплены Указом Президента от 25 января 2023 г. [5].

Нет, на наш взгляд, оснований сомневаться, что общие требования к реализации государственных интересов в сфере культуры могут быть перенесены и конкретно на сферу образования, и на программу её предстоящего реформирования. Во-первых, потому, что образование, его институты и практики являются основой всего пространства элитарной и общественной, политической и бытовой культур. Когда на официальном уровне делаются заявления о необходимости создания суверенной системы российского образования, то очевидно, что это заявка не на одну только стратегию образовательных реформ. Государство формулирует, таким образом, свой интерес к трансформации всей стратегии и тактики управления культурными процессами в стране, а в некотором смысле и на всём постсоветском пространстве. Второе соображение в пользу выбора именно того толкования суверенитета, которое даёт президентский указ, более прагматично и связано с особенностью коммуникаций внутри российской власти. Раз данное толкование суверенитета как «культурного суверенитета» официально утверждено первым лицом в государстве, то нет никаких сомнений, что именно им в первую очередь будут руководствоваться разработчики и организаторы нового этапа реформ в отечественном образовании.

«Культурный суверенитет», как его смысл расшифровывает указ Президента РФ, предполагает обязательность для государства и его граждан в процессе коммуникации по вопросам культурной политики, а также в своих практических действиях на ниве российской культуры соблюдать ряд правил:

- 1) целенаправленно формировать свою идентичность, не пускать этот жизненно важный для них процесс на самотёк;
- 2) избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния»;

3) быть защищены от деструктивного идеологического и информационного воздействия;

4) о наличии у России «культурного суверенитета» должна свидетельствовать сохранившаяся историческая память граждан и правящих элит, их приверженность почвенным духовно-нравственным ценностям.

Идеологические рамки для будущих образовательных реформ заданы, таким образом, достаточно чётко. Понятно, в каком направлении и какие процессы разработчики образовательных реформ должны стимулировать, а какие предотвращать.

Попробуем приложить эти правила к задаче создания российской суверенной системы образования как к практической (можно даже сказать бюрократической) задаче, которую будут в ближайшие годы решать те же граждане и те же управленцы, которым до последнего времени приходилось создавать и развивать Болонскую систему. Которые привыкли, что все параметры, которым эта система должна соответствовать в отдельно взятой стране, довольно подробно расписаны в соответствующих декларациях международных образовательных форумов и в межгосударственных соглашениях. Которым, уже даже в силу этой привычки, желательно видеть как можно больше конкретики в указаниях президента.

Начнём с анализа первого требования к участникам образовательной политики государства, разработчикам и исполнителям управленческих решений – **государство и общество должны целенаправленно формировать свою идентичность**. С точки зрения современных представлений о том, как устроена и как функционирует социально-политическая система в цивилизованной стране, это требование абсолютно разумное. Тем более когда сегодня наша страна претендует, чтобы в международных делах все её воспринимали как страну по-своему уникальную, где одно из проявлений уникальности – это исторически сложившееся «государство-цивилизация». На этой стороне государственного интереса В. В. Путин сделал особый акцент в своём выступлении на Валдайском форуме в октябре 2023 г. [6].

Не менее разумна, на наш взгляд, установка не пускать дело формирования социальных и индивидуальных культурных идентичностей на самотёк, а действовать целенаправленно. С этими подходами трудно не согласиться. Проблемы стратегического характера начинаются дальше. Их минимум две:

какая именно идентичность должна формироваться и что должно быть определено в качестве цели для процесса формирования такой идентичности?

В течение многих послесоветских лет российские государство и общество уже усиленно формировали свою либерально-западническую идентичность (в её правовых, идеологических, институциональных и т.д. измерениях). Причём делали это не то чтобы при всеобщем согласии и воодушевлении, но осознанно и настойчиво. Можно даже сказать – принудительно. Повсеместное наследие болонских принципов, технологий и организационных форм в отечественном образовании, которые сегодня подвергаются критике по всем направлениям, тому наглядный пример. Болонская система десятилетиями внедрялась повсеместно (и в школах, и в вузах) именно в качестве одного из наиболее активных каналов и эффективных инструментов распространения во властных элитах и массе рядовых граждан полной уверенности, что они теперь неотъемлемая часть «мирового демократического сообщества» и что они движутся по единственному возможному для цивилизованных людей либеральному пути, и цель этого движения – создать и в России, как в странах Запада, так называемое общество потребления. Именно эта прежняя, целенаправленно сформированная постсоветская идентичность наших государств и общества сегодня стала представлять угрозу для их уверенности и вообще дальнейшего существования и развития.

Тогда какую новую идентичность требуют целенаправленно формировать разработчики президентского Указа? Это должна быть консервативная, социалистическая или какая-либо другая, ранее неизвестная политico-идеологическая и в целом культурная идентичность? Достижение какой цели будет свидетельствовать о том, что задача формирования такой идентичности решена (хотя бы в общих чертах)? В прежнее время целенаправленность формирования идентичности подразумевала, как уже было сказано, создание в нашей стране «общества потребления» западного типа. Какой уклад общественной и государственной жизни теперь и в будущем должна обеспечить вновь формируемая идентичность? Если это будет общество и государство всеобщей аскезы (по примеру Северной Кореи), то замысел потратить ресурсы на новый виток образовательных реформ в нашей стране никак не вписывается в это целеполагание.

Ни на один из этих вопросов документ, анализируемый нами, ответа не даёт и даже не предлагает какой-либо информации к размышлению. В контексте нынешней идеологической, экономической и даже военной конфронтации России со странами Запада, в контексте текущего поворота от ориентации внутренней и внешней политики в нашей стране на «общечеловеческие» либеральные ценности к ориентации на ценности патриотические правовая и идеологическая фиксация такого стратегического ориентира оправдана. Президентский Указ заполняет до некоторой степени тот вакуум, который в предшествующее время образовался в идеологических основах государственного управления образованием. Это всё очевидные и понятные вызовы извне и изнутри для нашего национально-государственно-го суверенитета. Указ демонстрирует готовность государства на эти вызовы отвечать по всем фронтам.

С этой точки зрения, может быть, как раз минимум конкретики в смысле данного понятия соответствует интересам государства. У чиновников, на федеральном уровне решающих общие вопросы государственного управления, расширяются возможности маневрирования мотивацией и аргументацией различных управленческих решений и действий.

Совсем другое дело, на наш взгляд, когда смыслом данного понятия должны руководствоваться исполнители управленческих решений на низовом уровне системы образования – работники школ и вузов. Им важно понимать, за что с них спросит вышестоящее начальство и, соответственно, что и как они должны делать, чтобы не быть этим начальством обвинёнными в профессиональной некомпетентности и саботировании работы по созданию суверенной и уникальной системы образования.

Отсутствие конкретики в распоряжениях руководителей образования и законах, к которым такие распоряжения апеллируют, подготавливает два варианта развития событий. Оба варианта, заметим, чреваты рисками для успеха планируемых новых образовательных реформ. В одном варианте велика вероятность того, что непонимание педагогами (а вместе с ними учениками и их родителями) того, какого именно участия в формировании какой именно политической и культурной идентичности добиваются от них государственные управляющие структуры, приведёт к снижению их, исполнителей, творческой активности. Действительно, зачем разумному человеку (среди работников

образования таких большинство) тратить силы и время на выполнение ответственной работы, смысл которой ему не очень понятен. Тем более что нет никаких гарантий со стороны руководства, что попытка школьного или вузовского работника действовать на свой страх и риск в толковании смысла и в формировании у себя самого и своих учеников некоей «устойчивой идентичности» будет одобрена. Есть вероятность того, что у руководства сложится собственное представление о той идентичности, которая необходима государству и обществу, а также о признаках её устойчивости. И тогда школьный учитель или вузовский преподаватель рискуют быть обвинёнными в нанесении ущерба интересам государства с вытекающими из такого обвинения мерами дисциплинарного взыскания. При таких обстоятельствах педагогическому работнику проще и безопаснее имитировать (путём составления обширных планов и отчётов, например) бурную работу по «формированию устойчивой идентичности», чем заниматься реальным делом; примерно так, как все минувшие годы многие педагогические работники формально отчитывались о своих усилиях по формированию у учащихся «болонских» компетенций.

Другой вариант менее вероятен, но вполне реалистичен. Возможно, что от безвыходности своего положения и под влиянием своих идеологических пристрастий и собственного жизненного опыта некоторая часть наиболее смелых и активных педагогических работников начнёт создавать собственные версии идентичности государства и общества и внедрять их в сознание учащихся. Версии «устойчивой идентичности» неизбежно будут многочисленны. И все они в большей или меньшей мере станут конкурировать друг с другом за общественное и государственное признание, за статус «истины», наконец. Иначе зачем создателю той или иной версии «устойчивой идентичности» было тратить силы и время на теоретические опыты, если из них не родилась истина в последней инстанции? Зачем нужно было трудиться, если добытую «истину» нельзя будет потом насаждать среди коллег и учеников? Это даже не риск, а прямой путь к росту конфликтности и в педагогическом сообществе страны, и во всей социально-политической системе вместо усиления её стабильности и защищённости от внешних и внутренних угроз. Таким образом, перспектива вырисовывается прямо противоположная той, ради которой затевается сегодня новый этап образовательных реформ.

Разработчики президентского Указа не случайно, вероятно, из всех возможных вариантов определения характеристик идентичности (например, консервативная, социалистическая и т.д.) выбрали вариант наиболее идеологически нейтральный – «устойчивая идентичность». Устойчивой может быть идентичность с любой идеологической окраской. Тем самым они избежали противоречия с конституционным запретом на существование в пространстве российской политики какой-либо государственной идеологии. Свою законотворческую проблему они тем самым решили, тогда как для широкого круга субъектов образовательной политики, потенциальных участников строительства суверенной и уникальной системы российского образования, проблему только создали. Создали предпосылку для разнообразия мнений на этот счёт.

Не менее проблематично выглядит и вторая установка: **государство и общество должны избегать «социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния»**. С разумностью и своевременностью акцента на этом правиле, который содержит анализируемый документ, трудно не согласиться. Современный цивилизованный мир втянут в гибридную мировую войну. В ней информационные технологии и моральные аргументы являются действенными орудиями дискредитации противника и подавления его воли к сопротивлению. Естественно, что капитулировать перед применением этих орудий наша страна не должна. В противном случае она, как сегодня модно говорить, перейдёт под внешнее управление.

Но в то же время как практически решить эту задачу избегания психологической и культурной зависимости? Сегодня в России достаточно много граждан, особенно молодых, для которых высокие образцы технологического прогресса, правовой защищённости, информационной открытости и бытового благополучия как были, так и остаются расположенными за пределами нашей страны. Для них все блага жизни «там», а все большие проблемы этой жизни только «здесь».

Они в большинстве случаев не идеиные враги России. Они согласны с тем, что в современном мире Россия должна занимать достойное место. Но само понимание этого достоинства у них связано с теми ценностями (либеральная демократия, рыночная экономика, культурная и информационная открытость миру и удовлетворение возрастающего потребления материальных благ) которые прежде, по

ходу либерально-демократических и рыночных реформ, насаждало в их головах само государство. Государственная образовательная политика в минувшие три десятилетия была построена так, чтобы подрастающие поколения российских граждан не видели ни для себя, ни для страны иной перспективы, кроме как стать максимально открытыми влияниям внешнего («западного» в первую очередь) мира и максимально готовыми к копированию его культурных (широком смысле) стандартов.

У этой проблемы есть ещё один аспект. Как гражданам России, включая педагогических работников и управленцев, преодолеть свою и всей образовательной системы зависимость от внешних влияний, когда наша страна сегодня выступает инициатором создания нового многополярного мира? Мира, который будет основан не на единственной зависимости всех стран от влияния гегемона, а на их способности влиять друг на друга и пользоваться плодами этого взаимного влияния (взаимного культурного обогащения) себе во благо. Россия является сегодня участником и даже лидером многих политических, экономических, а также культурных интеграционных процессов как в азиатской части постсоветского пространства, так и в восточном направлении в целом. И Россия будет стремиться разнообразно влиять на своих партнёров по интеграции, на их мировосприятие, формировать их зависимость от собственных национально-государственных интересов. И партнёры России, в свою очередь, в отношении её будут стремиться делать то же самое. Китай, Индия, некоторые государства Латинской Америки и Южной Африки, подключающиеся в последнее время к этим интеграционным процессам, неизбежно будут стремиться всеми доступными способами и средствами продвигать в них свои собственные интересы и ресурсы влияния на партнёров. Для России они естественным образом становятся неустранимым источником внешнего влияния, с которым российским обществу и властям так или иначе придётся считаться и как-то к нему адаптироваться. Просто игнорировать это влияние либо жёстко его блокировать политическими и правовыми средствами не удастся в принципе. Причём наверняка это будет и какое-то влияние, прямо конфликтующее с нашими национально-государственными интересами.

В этом контексте установка на принципиальное противодействие культурному влиянию извне, если воспринимать её как официальную идеологическую установку, не выглядит пер-

спективной и практически осуществимой. По крайней мере, до той поры, пока в неё не будет внесено уточнение, что речь идёт не о противодействии внешнему влиянию как таковому, особенно влиянию России выгодному, а только о противодействии влиянию, несущему в себе угрозу её национально-государственному суверенитету.

В практическом плане разговор о преодолении зависимости от внешнего влияния будет иметь смысл тогда, когда государству и обществу удастся согласовать между собой некую значимую цель своей борьбы за суверенную политику, в том числе культурную и, следовательно, образовательную. Когда государству и гражданскому обществу удастся сформулировать для себя и предложить миру (как «коллективному Западу», так и «коллективному Востоку») какие-то ориентиры развития, превосходящие своей привлекательностью идеалы «общества потребления» и «открытого общества» (по К. Попперу [7] и Дж. Соросу [8]). Желательно при этом, чтобы цель привлекала своей фундаментальностью и прогрессивностью.

Не обладает, к сожалению, необходимой привлекательностью, даже с точки зрения внутренней российской политики, то разъяснение сущности «суверенной» образовательной политики, которое публично озвучил министр С. Кравцов в лекции, прочитанной им 25 января 2023 г. в Московском государственном областном педагогическом университете будущим работникам этой суверенной средней и высшей школы. Фактически всё содержание этой новой стратегической задачи он свёл к двум организационно-техническим мероприятиям: создание единого образовательного пространства путём очередного усовершенствования единых образовательных программ и формирование единого воспитательного пространства путём разработки общих воспитательных программ. Министр не обошёл вниманием ключевой вопрос о тех ценностях, которые должны придать этим управленческим мерам смысл суверенной государственной образовательной политики. Но вместо изложения своей позиции он обратился к своим слушателям с вопросами: «Традиционные ценности. Сегодня Россия отстаивает традиционные ценности. А какие традиционные ценности? В чём смысл традиционных ценностей?» [9]. Далее, по ходу лекции, собственного ответа на эти вопросы министр не предложил.

Таким образом, он оставил в неведении относительно позиции своей и своего министерства не только студентов, а ещё и весь аппарат

управления средним и высшим образованием в российских регионах. А это значит, что в обозримой перспективе действовать этому аппарату в деле реформирования учебного процесса и других аспектов деятельности учебных заведений придётся на свой страх и риск, руководствуясь собственным опытом и пониманием ситуации в российской политике, а не национально-государственными интересами.

Список литературы

1. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.29>, EDN: NFWLYF
2. Белецкая А. А. От суверенитета государства к суверенитету народа: конституционно-правовой опыт стран Азии и России // Universum Humanitarium. 2020. № 2. С. 108–118. EDN: KJWXPL
3. Мухеева В. А. Эволюция понятия «суверенитет» и проблемы суверенитета в современной мировой политике // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция. Доклады и материалы : в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. М. : Московский гуманитарный ун-т, 2019. Ч. 2. С. 906–912. EDN: IEODPR
4. Егорова В. Владимир Путин: Россия создаст суверенную систему образования от школы до вуза // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/03/02/putin-rossiia-sozdast-suverennuui-sistemu-obrazovaniia-ot-shkoly-do-vuza.html> (дата обращения: 26.05.2023).
5. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : указ Президента РФ от 25.12.2023 № 35. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023: о чем говорил президент России // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=loimrxf2wk435665369> (дата обращения: 07.10.2023).
7. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448+528 с.
8. Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу / пер. Т. В. Курашовой. М. : Политиздат, 1991. 222 с.
9. Лекция Министра просвещения Российской Федерации Сергея Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekciya-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razvitiii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 10.10.2023).

Поступила в редакцию 26.10.2023; одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 25.11.2023
The article was submitted 26.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 25.11.2023